

ДЫХАНИЕ ЭЛЛАДЫ

ненного Олимпу человечества, встает стихия личной воли и личных страстей.

«СЛЫШУ умолкнувший звук бо-
жественной эллинской речи...». Не совсем, впрочем, эллинской. Две трагедии, «Электра» Софокла и «Медее» Еврипида, показанные нам пирейским «Театром греческой трагедии», были даны в переводе с древнегреческого на новогреческий язык. И все же дыхание Эллады — в патетике этой речи, в чередовании долгих и кратких звуков — доходило до нас, захватывая своей выразительностью. Трудно передать в короткой рецензии все богатство впечатлений, полученное от этих двух спектаклей.

Театр начал с Софокла, драматургия которого родилась раньше еврипидовской. В «Электре» еще все сковано более древним, более строгим пониманием того закона, что царствовал над самими богами, закона судьбы, фатума, рока. «Электра» — лишь одна страничка этой судьбы, связавшей царственное семейство Агамемнона цепью преступлений и возмездий за них. Мы здесь отходим на две тысячи четыреста лет назад, в мир, бесконечно далекий от наших современных представлений. В этом мире нет наказания, а есть возмездие, человек как будто совершенно свободен от общества, он волен поступать как хочет, а общество (хор, символизирующий не только голос народа, но и личную совесть человека) лишь сочувствует, остергает, советует, но бессильно запретить. Однако в этой кажущейся свободе, подобной роению бесчисленных звезд на небе, есть железный закон, закон возмездия. Рок заставляет Электру мстить матери за убийство отца, Рок приводит Ореста к сестре для свершения возмездия. И Рок повлечет потом, вслед за Орестом, обезумевшим от содеянного, толпы Эриний, страшных дев укора и раскаяния, которые будут терзать его душу, но это уже остается за пределами показанной нам трагедии.

Строгие квадраты здания, выдержанные в условно дорическом стиле. Нет занавеса, как не будет и привычного антракта. Смотрится трагедия почти два часа без перерыва, и вы забываете о перерыве, не в силах оторвать глаза от сцены. Действие необычно скупое. Движения души героев выражены почти целиком в их речи, едва тронутый жестом, — этот жест достается главным образом на долю хора, нескольких девушек в длинных одеждах, как бы комментирующих все, что переживается на сцене. И в центре всего — Электра, обуреваемая жаждой возмездия, человеческое орудие в руках вечного Рока, правящего душами людей с той железной нерушимостью, с какой плывут в небе звезды...

Я видела на своем веку много больших актрис, мне посчастливилось слышать глубокий голос и видеть горящие глаза гениальной Элеоноры Дузе. И я могу, не боясь упреков в преувеличении, сказать, что в греческой трагедийной актрисе Аспазии Папатанассиу наша эпоха получила свою Элеонору Дузе, но как бы созданную для античного репертуара. Весь огромный потенциал ее, как актрисы, все ее возможности — голосовые, пластические, душевные — с особенной силой раскрылись при исполнении ею второй ее роли — в «Медее» Еврипида.

Родившийся только на пятнадцать лет позже Софокла, драматург Еврипид отделен от своего предшественника почти целой эпохой. Новое веяние пришло в Афины вместе с его драматургией. Словно раскрепощаются скованные человеческие страсти, буря поднимается против непреложности судьбы. Истерзанная ревностью, и больше чем ревностью — обидой, нанесенной ее женской гордости, Медее не только мстит мужу своему, Язону, убивая отравленными подарками соперницу, но чтоб ранить его еще сильнее, убивает и собственных детей, и это уже в нарушение закона, уже не по воле Рока, а выйдя из круга, очерченного Роком. Здесь античная трагедия вступает в свою новую фазу, в ту фазу, где полубоги уже борются с богами, где снизу, из подчи-

И хор уже не солидарен с Медеей, как был солидарен с Электрой, хор не только скорбит, он осуждает, он ужасается.

Две эпохи в истории греческой трагедии прошли перед нами в замечательной трактовке Пирейского театра. Но в то же время мы, зрители, ни на миг не выходили из сегодняшнего дня. На «Электре» мы не могли не вспоминать «Гамлета», не думать о нитях, связующих в истории человеческого творчества не только близкие столетия, но и тысячелетия. На «Медее» невольно вспоминалась нам опера Шостаковича «Катерина Измайлова»... В этом разнице между цивилизацией и культурой, машиной и человеком. Никто при виде современного тепловоза не станет «переживать» неуклюжий и топкотрубый паровоз Стефенсона. Машина уходит, сменяя одна другую. Человек остается бессмертным в своей человечности.

Мне кажется, высокое значение культурной преемственности сыграло свою роль и в методе блестящего постановщика и создателя театра Димитриоса Рондириса, в выразительной игре актеров и в талантливой, полной жизни, хореографии балетмейстера Лукии. Оно отразилось и в музыке Кидониатиса, так удивительно сблизившей античность с современностью. А в общем греки показали настоящее искусство.

Маризтта ШАГИНЯН.